

Пролог

— Вчера я танцевала с молодым Блейкли. Я не сомневаюсь в том, что он намеренно споткнулся и схватился за самую неподходящую для этого часть моего тела. Это было крайне унижительно, но...

Леди София продолжала щебетать, стараясь, чтобы ее болтовня казалась веселой и беспечной, но в мыслях у нее было совсем не то, что на языке. Она смотрела на тощего мужчину, лежащего на больничной койке. Несомненно, раньше он был красив. Сейчас же его угловатое лицо стало худым и костлявым, а густые каштановые локоны слипшейся массой лежали на блестящем от пота лбу. Этого заслуживающего воинских почестей человека ныне неотрывно преследовали боль и тоска.

— Несомненно, — продолжала она, — лорд Блейкли не посмел бы вести себя так нахально, если бы там были вы. Вы должны преодолеть свою болезнь, майор Вайклифф. Я считаю, что нуждаюсь в вашем покровительстве.

Впрочем, даже если бы он был совершенно здоров, едва ли он мог бы ее сопровождать, и София это понимала. Она и майор вращались в различных кругах. И тем не менее в последние месяцы ее посещений госпиталя это уже стало их общей игрой. Он лежал на больничной койке, а она говорила о том, чем они займутся вместе, когда он поправится. Она говорила о пикниках, о прогулках в парке, о походах в музеи. А когда ему это надоедало, они спорили о политике и религии, о том, что лучше — весна или осень, или о любой другой чепухе. Он любил спорить, и хотя она не разделяла этой страсти, старалась делать все возможное, чтобы время, которое он проводил, лежа на больничной

койке с вытянутой изувеченной ногой, проходило для него быстрее.

Иногда ей даже казалось, что их глупые планы могут осуществиться.

Но позже, неделю назад, состояние майора ухудшилось. Его рана воспалилась, улыбку сменила гримаса страдания, а кожа покрылась лихорадочным румянцем. Вчера он был в бреду. Сегодня с его запекшихся губ не слетело ни слова, только стон.

Он умирал.

София гладила его широкую ладонь, пальцы, и сердце сжималось у нее в груди. За те пять лет, в течение которых она регулярно посещала госпиталь, она повидала много умирающих. Она знала признаки приближающейся смерти и видела, что ее майор долго не протянет.

По щеке Софии скатилась слеза и упала на тыльную сторону его ладони. Заморгав, она вытерла лицо, потрясенная своими чувствами.

— Видите, что вы наделали, майор? Я плачу из-за вас.

В ее голосе прозвучала тень удивления от того, как неожиданно глубоко тронула ее приближающаяся смерть. Ведь она, в конце концов, раньше никогда не оплакивала умирающих солдат. Даже собственного отца.

— Я всю вину за это возлагаю исключительно на вас, — сказала она с наигранной строгостью. — Вы немедленно должны прийти в себя, или мне придется прибегнуть к чрезвычайным мерам. Размятые ягоды земляники на глаза, чтобы снять красноту век. Огурцы от припухлости. Представьте, майор, сколько мне потребуется времени и денег, чтобы привести себя в порядок. Нет, правда, вы должны прийти в себя незамедлительно, я требую.

София не надеялась, что ее слова возьмем какое-либо действие. Она сказала их, только чтобы отвлечь себя от того, что, как она знала, приближается, и была немало удивлена, увидев, что его глаза открылись.

Взгляд его карих, лихорадочно-ярких глаз был столь пристальным, что София подумала, не одержим ли он. Никто, на-

ходясь на пороге смерти, не смог бы так пронзительно смотреть на другого, будто проникая в самую его душу. Ей следовало бы испугаться, но почему-то этого не произошло. Перед ней лежал именно ее майор, и взгляд его был столь ясным, будто вся его жизнь зависела сейчас от этого.

— Ах, майор, вы вернулись ко мне, — прошептала она.

— София, — прохрипел он.

Кивнув, она быстро налила воды в стакан и, приподняв его за плечи, помогла выпить. Все это время майор неотрывно на нее смотрел, и его взгляд, еще более жаркий, чем его кожа, обжигал Софию, пока она вновь его укладывала.

— Вы должны бороться со своим недугом, майор, — сказала она мягко. — Бороться так же отчаянно, как с армией захватчиков. Его величество именно этого ждет от одного из своих лучших офицеров...

— Выходите за меня замуж.

Голос майора, даже смертельно больного, не утратил своей повелительности.

— Обязательно, майор. Но для этого вы должны быть в состоянии пройти через церковь к алтарю, сами понимаете, — ответила София, не переставая расправлять складки на его одеяле.

Схватив ее руку, он потянул ее, вынуждая Софию взглянуть ему в лицо.

— Выходите за меня замуж, — снова приказал он.

За прошедшие пять лет она получала десятки подобных предложений. Похоже, у раненых это было любимым развлечением. Поначалу это ее смущало, но вскоре она придумала, что на это отвечать. Тем, кто явно шел на поправку, она лишь загадочно улыбалась, а тем, чья жизнь подходила к концу, она обещала сделать все, что угодно, после их выздоровления.

— Я надену длинное белое платье, а вы будете при полном параде, — сказала она ласково. — Все станут глазеть на нас, таких счастливых вместе. — Она протянула руку и влажной тряпкой обтерла его лоб. — Но сначала вы должны выздороветь.

София улыбнулась, глядя в его буквально излучающие силу глаза и стараясь не замечать, как исхудало его тело.

— Вы же понимаете, мне понадобится много времени, чтобы подготовиться к нашей свадьбе. Со своей стороны пообещайте, что пойдете на поправку.

Майор медленно, будто через силу, закрыл глаза, словно этому сопротивлялось все его существо. Больше никаких звуков, за исключением свистящего дыхания, он не издавал.

София откинулась на спинку стула рядом с ним, и ее рука все еще была в его ладони. Она тихо вздохнула, полагая, что слышала последние слова майора. Но чуть позже, когда она думала, что он уже уснул, он прошептал два слова:

— Я обещаю.

Глава 1

— Леди София, ну что может сказать ваш покорный слуга? — гудел лорд Блейкли. — Ваша улыбка сияет, как полированные жемчуга. Ваши волосы ниспадают безупречными складками, подобно лучшим галстукам. А ваш смех...

— Звенит, как колокольчик на шее прелестной свинки, — сострила Лидия.

София медленно обернулась, переводя взгляд на свою лучшую подругу, видимо, только что подошедшую к кружку ее воздыхателей. Заметив, как возбуждена Лидия и как сияют ее глаза, София поняла, что та желает с ней побеседовать. Но, к сожалению, джентльмены ее не пропускали. Ей не оставалось ничего иного, как отпускать шуточки, надеясь, что хоть кто-нибудь из них поймет ее намек.

В другой раз в подобной ситуации следовало бы хотя бы улыбнуться. Тем более что Блейкли сегодня вел себя нахальнее, чем обычно. Но у Софии не было настроения даже для того, чтобы изобразить легкое подобие улыбки. Да что там говорить, в последнее время ей вообще ни на что не хватало сил.

— Ах, леди София, послушайте, — ввернул Блейкли, вяло махнув рукой в сторону оркестра, — подарите мне один вальс. Я полагаю...

— Мне срочно нужно выпить лимонаду, милорд. Не могли бы вы...

Ей не было необходимости продолжать. Притом, что желтоватое лицо Блейкли разочарованно осунулось, он все же повоенному бодро распрямился, оглядывая танцевальный зал в поисках прислуги.

— Любой подвиг, миледи. Любое ваше желание. Любой...